

«В НОЧЬ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Игорь ОСИПЧУК

«ФАКТЫ»

ЛЕЙТЕНАНТ ВЛАДИМИР ПРАВИК БЛИЖЕ ВСЕХ ИЗ СВОЕГО КАРАУЛА ПРОРВАЛСЯ К РАЗРУШЕННОМУ РЕАКТОРУ»

Тридцать лет назад в Московской больнице скончался от переоблучения герой-пожарный. Его жене было тогда 20 лет, а дочери исполнился месяц

Виктор Правик: «В прошлом году в парке провели реконструкцию и официально утвердили название, которое давно дали ему в Ирпене: парк имени Владимира Правика»

Фото Сергея ТУШИНСКОГО. «ФАКТЫ»

«Врачи хотели взять у меня костный мозг и пересадить его Володе»

— Авария на ЧАЭС произошла ночью, а уже утром в Чернобыле все знали о случившемся — сработало сарафанное радио, — продолжает **Виктор Правик**. — Мне тогда было 15 лет. Володя на восемь лет старше меня. Он уже был женат, жил с супругой Надеждой в городе энергетиков Припяти (находится в нескольких километрах от АЭС). Как раз за две недели до ядерной катастрофы у них родилась дочка Наташа.

Родители знали, что в ту роковую ночь Володя со своим караулом был на дежурстве, поэтому не оставалось сомнений: сын оказался в эпицентре событий. Они сели на мотоцикл и помчались в Припять. К утру все дороги в город были перекрыты милицией, но родителей это не остановило, ведь они каждую тропку в округе знали. Проехали в Припять лесными дорогами. Мой брат Володя лежал в местной больнице. Он подошел к окну, попросил родителей передать жене Надежде, чтобы не выходила с дочкой на улицу и закрыла окна.

На следующий день отец с матерью вновь приехали в Припять, вывезли оттуда невестку с внучкой и отправили их на автомобиле в райцентр Городище Черкасской области к Надиной маме. В тот день эвакуировали Припять. Володю с другими переоблученными — пожарными, персоналом АЭС — отправили на самолете в Москву. Моя мама поехала вслед за ними — ухаживать за сыном. Мне тоже сказали, чтобы собрался в Белокаменную: врачи намеревались взять у меня костный мозг и пересадить Володе. Однако операция так и не была сделана. Нас с матерью поселили в общежитии одного из заводов. Мама почти все время проводила в больнице. Проведывая брата, я видел, что он старается держаться молодцом, всех подбадривает, живет верой в то, что победит лучевую болезнь. На его лице были ожоги от радиации.

Отец тоже приехал к нам в Москву, но не сразу: его, как и многих других жителей Чернобыля, направили на погрузку в парашюты песка, свинца и других материалов, который вертолеты сбрасывали в жерло разрушенного реактора. А в начале мая было принято решение отселить Чернобыль. Отец выпустил кур, кроликов, попугая и поехал в Москву к сыну. Так что перед смертью Володя повидался с папой, пожал ему руку. Проведать мужа приехала и Надежда с Наташей на руках. Но долго оставаться в Москве она с младенцем не могла. Володя написал ей и дочке письмо, которое оказалось последним в его жизни:

«Здравствуйте, мои дорогие, хорошие Надежда, Наташка!

С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому, что отлыниваю от воспитания нашей крошки Наташки. В начале письма прошу извинить за почерк и ошибки. Это, кстати, Надя виновата, что писала за меня планы, конспекты, и я совсем разучился держать ручку. Напишите, как доехали домой, не прихватила ли та болезнь, которая ходит по городу, что-то типа гриппа. Живу я хорошо. Поселили нас в клинике института для осмотра. Как вы знаете, здесь все, кто был тогда со мной, так что мне весело, ведь караул при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любимся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И, наверное, месяца полтора-два. Увы, такие здесь законы. Пока не обследуют — не выпишут. Пусть Надя живет в Городище. Я приеду прямо к вам, да

Владимир познакомился с Надеждой на праздничном вечере в Черкасском пожарном училище

еще пусть моя дорогая теща присмотрит мне работу, чтобы я мог перевестись.

Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я по вам очень соскучился. Закрою глаза и вижу Надю с Натальей Владимировной (тещей). — **Авт.** — То, что произошло, вы уже слышали. Я не буду вдаваться в подробности. Да еще вы меня, пожалуй, и не узнаете, когда приеду. Начал отпускать усы и бороду.

Сейчас у меня здесь мама. Примчалась. Она вам позвонит и скажет, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо.

На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь, ждите с победой. Надя, береги дорогую нам Наташку. Крепко обнимаю, целую. Твой навеки Володя.

Май 1986 года. Москва. 6-я клиническая больница».

— Как ваш брат познакомился с Надей?

— На праздничном вечере в Черкасском пожарном училище, курсантом которого он был. В те годы существовала практика приглашать на праздники в военные вузы девчат из медицинских, педагогических, музыкальных училищ. Благодаря этому молодые люди познакомились, влюблялись, создавали семьи. Надя была студенткой музыкального училища. Володя старше ее на три года. Они поженились, когда брат получил погоны лейтенанта. Володю направили служить в Припять, дали квартиру.

— Как сложилась судьба вашей невестки после смерти Владимира?

— Ей дали квартиру на Троещине в Киеве. Затем она вышла замуж во второй раз. Подробно рассказывать об этом мне не хочется. Дочка Володи Наташа уже замужем, живет в Москве, недавно у нее родилась дочка. Мы с мамой виделись с Наташей в апреле, когда ездили в Москву на Митинское кладбище — она приходи-

ла провести могилу своего отца и поведаться с нами. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность помощнику начальника главного управления Государственной службы по чрезвычайным ситуациям в Киевской области Николаю Куценко, который ежегодно организует поездки родственников первых чернобыльских ликвидаторов на Митинское кладбище.

К сожалению, моего отца Павла Панасовича уже нет в живых. В послечернобыльские годы он пережил четыре инфаркта — думаю, это было последствием радиационного облучения, которое он получил, когда в 1986-м грузил песок и свинец возле реактора. Мать Наталья Ивановна, слава Богу, жива, но чувствует себя не лучшим образом.

Раз в год — 9 мая — мы ездим на нашу малую родину — в Чернобыль. Проводим могилы родных и наш дом. Кстати, летом 1986 года отец, побывав там, обнаружил: мародеры вынесли через окно все, что там было.

«Гробы умерших от лучевой болезни пожарных обматывали пленкой, а могилы заливали бетоном»

— Приходилось читать, что вашего брата и других умерших от лучевой болезни пожарных и сотрудников ЧАЭС хоронили в свинцовых гробах, могилы для них вырыли глубиной шесть метров, залили их после погребения бетоном. Это действительно так?

— Нет. Я присутствовал на похоронах. Гробы были обычные, деревянные, могилы стандартные — глубиной два метра.

— Организовывавшие похороны пожарные рассказывали мне, что бетон при родственниках не заливали, но потом могилы укрыли слоем этого материала, — говорит **заместитель генерального директора по научной работе Национального музея «Чернобыль» Анна Королевская**. — Гробы были обмотаны пленкой — чтобы предотвратить распространение загрязненной радиацией пыли, ведь чернобыльцы являлись источниками облучения.

Кстати, на Митинском кладбище похоронена и маленькая дочка пожарного Василия Игнатенко. В шестой московской больнице за ним ухаживала его беременная жена. Таким образом их дочка облучилась, находясь в утробе

Родители Владимира Правика — Павел Панасович (к сожалению, уже покойный) и Наталья Ивановна — на могиле сына на Митинском кладбище в Москве

матери. Девочка родилась через месяц после смерти Василия. У малышки обнаружили цирроз печени, вскоре она умерла. Ребенка похоронили к отцу.

После развала Советского Союза был поставлен вопрос о переносе праха первых чернобыльцев в Украину, однако идея так и не была реализована. В середине 1990-х на Митинском кладбище создали мемориал героям-ликвидаторам, но не там, где они были похоронены, а в стороне от их могил. Место для мемориала выбрали так, чтобы во время проведения памятных мероприятий там поместилось много людей.

— Первыми через полторы минуты после аварии прибыли 14 человек караула пожарных станции во главе с Владимиром Правиком, — говорит **главный хранитель фондов Национального музея «Чернобыль» Виталий Колодяжный**. — Они поднялись по лестнице на крышу машинного зала, за которым находятся третий и четвертый реакторы. Из взорвавшегося четвертого реактора вылетели раскаленные обломки графита, твелов (кассет с ядерным топливом), строительных конструкций. Они во многих местах пробили крышу машинного зала, к тому же ими засыпало кровлю третьего реактора. Вскоре на помощь пожарным ЧАЭС подоспел караул их коллег из Припяти под командованием лейтенанта Виктора Кибенка. Согласно официальной версии, обнаруженной вскоре после Чернобыльской аварии, эти два караула (всего 28 человек) потушили пожар, тем самым предотвратив его распространение на другие энергоблоки ЧАЭС.

Однако работавший в ту ночь персонал станции утверждает, что дело обстояло несколько иначе: от руины реактора, множества вылетевших из него во время взрыва раскаленных фрагментов исходило свечение. Они были такими горячими, что от них начал плавиться и кипеть битум на кровле машинного зала. Битум при этом не горел, но от него шел дым. Из систем разрушенного реактора хлестали потоки горячей воды, сильно загрязненной радиацией. От этих потоков поднимались клубы пара. Неудивительно, что в темноте пожарные приняли все это за пожар.

— Поднявшись на крышу машинного зала Владимир Правик пытался пройти по ней как можно ближе к разрушенному реактору, — добавляет Анна Королевская. — Продвижению мешали проломы в крыше, образовавшиеся от рухнувших на нее обломков реактора. Тем не менее Правик подошел к нему ближе, чем остальные, и получил такую большую дозу радиации, что ему стало плохо. Пожарные подхватили своего командира и спустили его с машинного зала на землю. Он оказался единственным в своем подразделении, кто получил смертельную дозу облучения.

В это время караул Виктора Кибенка подъехал с другой стороны и остановился напротив руин реактора. Это место было еще более опасное, чем то, где находился караул Правика. Среди людей Кибенка смертельную дозу получили пятеро.

Они пытались подключить пожарные рукава к гидрантам, чтобы начать лить воду. Если бы это удалось, и струи воды хлынули на руины реактора, мог произойти водородный взрыв. К счастью, длины пожарных рукавов не хватило.

— Находившиеся на смене сотрудники станции тушили локальные возгорания внутри четвертого энергоблока, спасали маслопроводы, турбины, отключали оборудование и провели много других аварийных операций, — продолжает Виталий Колодяжный. — Смертельную дозу облучения в ту ночь получили 18 сотрудников станции, двое работников вневедомственной охраны и двое командированных с Харьковского турбинного завода. Эти 22 человека похоронены рядом с шестью пожарными на Митинском кладбище.

Фото Николая ХРИМЕНКО